

ЗВУКОВОЕ КАЧЕСТВО $\dot{\text{t}}$ ПО ИНОЯЗЫЧНЫМ ПОКАЗАНИЯМ XVII в.

Исследование вопроса о звуковом значении $\dot{\text{t}}$ в XVII в., о том, совпадало ли произношение звука, обозначавшегося этой буквой, с произношением звука на месте *e* или не совпадало, привлекало внимание ряда лингвистов. Л.Л. Васильев¹ различие [ĕ] и [e] приравнивает к различиям [a] — я, [y] — ю, [ы] — и, т.е. после первых членов пар согласный тверд, после вторых — мягок. Буква $\dot{\text{t}}$ отличалась в сознании писцов от буквы *e* большей смягчаемостью предыдущей согласной. Поскольку степень смягчаемости определима только в иноязычных словах, Васильев привлекает великорусский текст XVII в., записанный не кирилловскими, а латинскими буквами под несомненным польским влиянием, в котором для передачи [ĕ] употребляются *к*, *ie* под ударением по законам польской графики. Обнаруживается яркое различие в звуках [ĕ] и [e].

В.В. Виноградов² вполне определённо указывал, что есть ясные следы того, что в восприятии иностранцев звук [ĕ] литературного языка XVI—XVII вв. обрисовывался как дифтонг *iĕ*. Со свидетельством В. Лудольфа, отмечал он, в высшей степени любопытно сопоставить передачу русской азбуки иностранцами, $\dot{\text{t}} = ye$ в Часослове (ркп. Bodl. 946, Slav. 1588 г.), $\dot{\text{t}} = ie$ у А. Олария и Мейерберга). Совокупность этих данных, резюмирует Виноградов, не только ставит на твёрдую почву гипотезу об отличии звука $\dot{\text{t}}$ от *e* в произношении высшего слоя московского общества, но и определяет звуковое качество [ĕ] как дифтонга [iĕ] или неоднородного звука *ie*. Виноградов ставит вопрос об особой объясняющей силе показаний записей русской речи иностранцами. Совершенно правомерно поставить вопрос об обратных соотношениях: каким иноязычным звукам и орфограммам соответствует русское $\dot{\text{t}}$.

В числе иллюстративных доказательств того, что [ĕ] = [iĕ] в южно-великорусском наречии в XVII в., что гласный, скрывающийся за $\dot{\text{t}}$, под влиянием следующего за ним мягкого согласного более сближался с гласным *и*, чем в положении перед твёрдым под ударением, С.И. Котков³ привлекает данные иноязычных слов.

Раздавались голоса и в пользу того, что употребление *e* вм. $\dot{\text{t}}$ в безударном положении при сравнительно выдержанном различении $\dot{\text{t}}$ и *e* под ударением можно толковать как орфографическое явление, т.е. как явление не устной, а письменной речи, опирающейся на звуковое тождество [ĕ] и [e]⁴.

¹ Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы $\dot{\text{t}}$ сравнительно с буквою *e* в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слоге под ударением по древнему при замене в слоге без ударения буквы $\dot{\text{t}}$ буквою *e* // Изв. ОРЯС. СПб., 1910. Т. XV, кн. 3. С. 188—217.

² Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Пг., 1923. Вып. 1 С. 323—327.

³ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963. С. 35—52.

⁴ Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 201—215.

Представляется необходимым подчеркнуть принципиальное различие в подходах к оценке звукового качества *ѣ* в иноязычных словах (в первую очередь в новых заимствованиях) и к *ѣ* в исконно славянских словах. Отсутствие давления орфографической традиции в первом случае ставит вопрос о поиске причин внешнего порядка. При этом следует учитывать тот непреложный факт, что слова иноязычного происхождения могли произноситься в соответствии со своей иноязычной системой, что справедливо вдвойне по отношению к мало адаптированным проникновениям, подчас разового характера, какими безусловно являются иноязычные топонимы и антропонимы, которые ещё не успела обработать русская система. К тому же не исключено, что создатель текста относился к числу лиц, свободно владевших иностранным языком. Просматривается принципиальная возможность приравнивания случаев с *ѣ* в иноязычных словах к случаям с этимологически не мотивированным *ѣ* в исконно славянских словах (к примеру, во флексии: **-ija*>*ья*, *-иа* в ст.-слав. >*е-а*, *ѣя* в др.-рус.).

Нельзя не учитывать, что условия наблюдений над употреблением *ѣ* в иноязычных словах русского языка были весьма ограниченными для многих (прежде всего зарубежных) исследователей, которые, не имея возможности работать непосредственно над русскими рукописными оригиналами, вынуждены использовать их печатные воспроизведения, не дававшие информации о *ѣ*, которое заменялось на *е*⁵. Поэтому в наших иллюстрациях мы ориентировались на материал, либо непосредственно выписанный из рукописных источников XVII в., либо извлечённый из таких публикаций, передача *ѣ* в которых была неизменным правилом (публикации Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР. Словарь русского языка XI—XVII вв., внутривидовые иллюстрации).

Весьма показательно, что в избранных нами 10-ти фрагментах вестей-курантов, образующих текст одного газетного сообщения и написанных каждый одним писцом, наряду со случаями написания в исконно русских словах: на месте этимологического [ѣ] под ударением и в безударной позиции *ѣ*, *е*, на месте этимологического [е] в безударной позиции *ѣ*, *е*, на месте этимологического [и] под ударением *ѣ*, не обнаружено случаев постановки *ѣ* на месте [е] под ударением, если не считать позиций, подвергшихся морфологической аналогии: сложные наречия *вездѣ*<праслав. **vьsьde*, *здѣся*<праслав. **sьde*, где *дѣ* под влиянием местн. пад. ед. ч. — Фасмер II 90⁶, *оттѣла*, ср. мест. *тѣ*. Это свидетельство того, что для писца *ѣ* под ударением представлялось звуком, отличным от [е]. С.И. Котковым⁷ также не приводится подобных примеров. Включаемые им в рубрику А (этимологические написания с *ѣ* под ударением) случаи типа *Алексѣи* относятся к этимологи-

⁵ Hüttl-Worth G. Foreign Words in Russian. A historical sketch. 1500—1800. Los Angeles, 1963. P. 36.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1976. Т. II. С. 90.

⁷ Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. С. 102—162.

ческому [й] в сильной позиции, а написания с ъ, как признаёт и сам С.И. Котков, возникли по аналогии, хотя и древней. Кроме того, это заставляет, на наш взгляд, обратить особое внимание на выбор ъ (особенно в подударном положении) в иноязычных словах и его иноязычные корреспонденции, что и послужит основным предметом нашей статьи.

Рассмотрим, каковы корреспонденции (соответствия) русскому ъ в иноязычных словах, восходящих к различным языкам-источникам (английскому, голландскому, греческому, итальянскому, латинскому, немецкому, польскому, французскому, шведскому), и каковы возможные оценки этих соответствий с точки зрения подхода к звуковому качеству ъ.

Английские корреспонденции русскому ъ.

Англ. а [eɪ] или [æ]: клѣвикорть, 1674 г.⁸ <clavichord [klæviko:d] (выбор ъ можно объяснить следующим образом: известно, что ср.-англ. *ā* — а *клавикорд* восходит к лат. *clāvichordium* — в новоангл. XVI—XVIII вв. дало [eɪ], и поэтому [e] мог испытать передвижку в область гласных верхнего подъёма и приобрести закрытый характер).

Весьма любопытна таблица русской транскрипции английских слов Келлермана, приведённая М.П. Алексеевым. Им публикуется письменный источник, никогда не служивший предметом внимания лингвистов, из которого можно извлечь несколько свидетельств о звуковом значении буквосочетаний в русских транскрипциях английских слов в XVII в. Алексеев указывает, что к некоторым из транскрипций Келлермана (условно называемых им "фонетическими") стоит присмотреться внимательней. Для нас публикуемые Алексеевым фрагменты любопытны прежде всего с точки зрения английских соответствий "ятю". Английское слово воспроизводится Келлерманом дважды: сначала по литерам, которые оно имеет в подлиннике (т.е. транслитерация), затем по своему звучанию (приближение к транскрипции)⁹.

Рассмотрим основания для выбора ъ в этих транскрипциях. Необходимо предварительные замечания о различии долгого и краткого [e] в английском, в котором это количественное различие перерастает в качественное: долгое [ē], являясь более узким в сравнении с кратким [ĕ], демонстрирует неоднородность на всём протяжении: оно начинается как узкое [e], ещё более суживающееся к концу (*hate* [heit]). Краткое [ĕ] не меняется в своём качестве и представлено в двух разновидностях — среднее [e] (*bed* [bed] 'постель') и широкое [ɛ] (*chair* [tʃɛ(r)]). Фонетический диапазон для различия в английском узкого, т.е. закрытого [e] и широкого, т.е. открытого [ɛ] явно достаточен для того, чтобы быть воспринятым на нацеленный фонетический слух, тем более в передачах, ориентированных на транскрипцию, и поэтому может

⁸ Рагульская Г.В. К истории становления музыкальной терминологии в русском языке (названия музыкальных инструментов) // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1976. Вып. 8. С. 129—135.

⁹ Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском азбучковнике XVII века. Исследование, тексты и комментарии. Л., 1968. С. 144—147; Приложение I — К истории транскрипции английских слов кириллицей в XVII веке.

пролить дополнительный свет на фонетические мотивы выбора *ѣ*. Ср. также: "английский [e] более передний и более узкий звук, чем русский [э]"¹⁰.

С помощью *ѣ* передаются следующие английские звуки: [e], [i], [ei], а также [ə], [э:], [a:], [εэ]. Примеры: *ѣвѣрь* — ever [evə], *тѣмтѣшiонъ* — temptation [tempteiʃən], *дѣ* — day [dei], *дѣттѣрсь* — debtors [detə:z], *ѣртъ* — art [a:t] 'еси', *нѣмъ* — name [neim], *ѣнъ* — and [ænd] — полная форма, [ə n] — редуцированная, *пauѣрь* — power [paʊə], *брѣ* — earth [ə:θ], *ѣвѣнъ* — heaven [hevɪn], с возможным промежуточным [hevən], *дѣлѣи* — daily [deili], *дѣлѣвѣрь* — deliver [dɪlɪvə], *фадѣрь* — father [fa:ðə], *креѣтъдъ* — created [kri:etɪd], *ѣрь* — are [a:] — полная форма, и [əɾ] — редуцированная, *дѣрь* — there [ðeə], *брѣдъ* — bread [bred].

Какие основания для выбора *ѣ* можно выявить из приведённого материала? Таких оснований представляется по крайней мере четыре: 1) позиции прямого соответствия *ѣ* англ. либо [i], либо [ei], что свидетельствует о закрытости (верхней зоне подъёма) артикуляции [ɨ]; 2) позиции, соответствующие англ. [e] в закрытом слоге. Случаи второй позиции не менее выразительны для иллюстрации верхней зоны образования [ɨ]; 3) выбор *ѣ* для передачи англ. [ə], [э:] можно объяснить возможностью слухового осознания какой-то степени смягчения согласного перед *ѣ* = [ə], [э:]; 4) что касается *ѣ* на месте англ. [εэ], то эти случаи могут быть приближены к корреляции *ѣ* — [ei] и трактоваться как попытка выражения на письме закрытости [ɨ]. В выборе *ѣ* для транскрипции англ. power [paʊə] — *пauѣрь* решающим могло оказаться соседство с гласным верхнего подъёма, способствовавшее переводу *ѣ* [э] в область гласных верхней зоны образования. Трудно объяснить корреляции *ѣ* — [a:], но следует учесть, что в редуцированном варианте лексемы представлено также и [ə] (см. п. 3).

Голландские соответствия русскому *ѣ*.

Гол. *e* [e полудолгое закрытое]: Нѣдерляньскои землѣ, 1631 г. (В—К I¹¹ 157) <Néderland, с возможным переносом в русский и ударения; Брѣдавъ, 1631 г. (В—К I 160) <Breda.

Гол. *ee* [e полудолгое закрытое]: в Зѣланте, 1631 г. (В—К I 235) <Zee-land.

Греческие соответствия русскому *ѣ*.

Греч. αι (в византийском произношении [e]); можно предполагать, что [e] < αι было закрытым, поскольку происходило из дифтонга в отличие от краткого и, по-видимому, открытого ε [e]; не исключено, что эволюция: др.-греч. αι > ср.-греч. (визант.) [e] протекала по тем же артикуляционно-физиологическим стадиям, по которым проходила монофтонгизация праслав. *oi: прогрессивно ассимилирующее воздействие [j] на o и переход o > e¹²: ахрѣмавскую дарогъ, ѿѿрѣмовскою дарогъ — Южн. отк. 104¹³, 1642 г., 109, 1644 г., от Ξεφραϊν.

¹⁰ Шевякова В. Е. Вводный фонетический курс английского языка. М., 1967. С. 24.

¹¹ Вести-Куранты. 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова и др.; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 157.

¹² Селіщев А. М. Старославянский язык. Ч. I. Введение, фонетика. М., 1951. С. 127.

¹³ Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков. Н. С. Коткова. М., 1977. С. 104.

Греч. η [i]: кандѣло¹⁴ < κανδήλον, по свидетельству Фасмера, слово заимствовано из новгородского диалекта, где ѣ = [и]: патрахѣли, [1617 г.], МДБП 44¹⁵ < ἐπιτραχήλιον, с показательной для произношения ѣ постановкой буквы на месте [и].

Греч. ε: галѣи, вин. мн., 1621 г. (В—К I 61) < γαλέα: кѣлен, XVII в. (ПРНРЯ 84¹⁶) < κέλλιον: сѣнныябра, XVII в. (ПРНРЯ 105) < σελητέμβριος — позиции либо предъотовые, либо перед мягкой согласной.

Греч. ι: зодѣи, им., XVII в. ~ 1551 г., Стоглав 89 < ζώδιον 'созвездие Зодиака' — не свидетельство ли это о средне-верхнем подъеме рус. ѣ.

Греч. ιε: ѣрихонка, конец XVII в.¹⁷ — от Ἰεριχώ 'Иерихон' — 'фуражка' — свидетельство о вероятностном дифтонгическом характере [ѣ].

Греч. ωι (φ) [i]: коммѣдii, 1650 г. (В—К IV 185¹⁸), ср. также вариант с прямым отражением византийского произношения: комидия, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 158).

Итальянские соответствия русскому ѣ.

Итал. e [ʰ] "В Италии всеобщим явлением стала издавна проявлявшаяся тенденция к переходу e в i, особенно в открытом слоге"¹⁹; в соврем. итал. "в ударяемых слогах может быть как открытое, так и закрытое e; без ударения e произносится всегда закрыто"²⁰: Вѣнецен, 1621 г. (В—К I 58), Винѣцеи, 1600 г. (В—К I 25), в Крѣл, 1600 г. (В—К I 26) < Crema.

Итал. i: Веницѣю 1628 г. (В—К I 127), Виницѣи, 1626 г. (В—К I 79) < Venezia.

Латинские соответствия русскому ѣ.

Лат. e: алтѣи, род., 1676 г. (ДТП I 285, цитируется по СлРЯ XI—XVII вв. 1,32) < althea officinalis 'лекарственное растение' — ѣ становится понятным в предъотовой позиции. Выбор ѣ в иноязычном слове мог быть обусловлен как причинами внешнего порядка (иноязычная почва), так и внутреннего (русское фонетическое окружение как в данном случае).

Немецкие корреляты русскому ѣ.

В научной литературе встречаем указание на то, что русскому ѣ в немецком этимоне должен соответствовать звук дифтонгического происхождения. Такое важное, на наш взгляд, наблюдение А.К. Рей-

¹⁴ Фасмер М. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке // Сб. ОРЯС. СПб., 1909. Т. XXXVI, N 1. С. 6—25.

¹⁵ Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. С.И. Котков и др. М., 1968. С. 44. При выборке материалов из МДБП пользовались указателем слов, составленным Л.Ю. Астахиной.

¹⁶ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А.И. Безобразова) / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. М., 1965.

¹⁷ Бурегорд У. Глоссарий русского разговорного языка конца 17-го века. — Russian Linguistics. Dordrecht — Boston, 1975. Vol. 2, N 3—4. P. 201.

¹⁸ Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1983. С. 185.

¹⁹ Бурсье Э. Основы романского языкознания: Пер. с 4-го фр. изд. Т.В. и Е.В. Вентцель / Под ред. с предисл. и прим. Д.Е. Михальчи. М., 1952. С. 137.

²⁰ Розенталь Д.Э. Итальянский язык. 2-е изд., испр. и доп. М., 1957. С. 10—11, 456—457.

цак²¹ брошено как бы "мимоходом" по причинам вполне понятным: морфологическая тематика статьи. Но это наблюдение (пример: ср.-в.-нем. *talier* [в ср.-в.-нем. *ie* — всегда дифтонг], др.-рус. с начала XVI в. тарѣль; укр. таріль, талір указывает на возможность заимствования из ср.-в.-нем. ещё в общевосточнославянский период) нуждается в более углублённой разработке в специально фонетическом исследовании.

Нем. *ie* [je, iə], [i]: тарѣль, 1509 г. <ср.-в.-нем. *talier*, см. Фасмер IV 24; из Вѣина, 1666 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 11, л. 283) <Wien, возможно, с метатезой частей дифтонга; из Вѣна, 1600 г. (В—К I 25).

Нем. *jä* [je]: Бхендореп, 1620 г. (В—К I 31) <Jägerndorf.

Нем. *ei* [ei, ai]: Мѣсенский, 1621 г. (В—К I 51), от Meifen.

Нем. *e* [долгое закрытое e]: Валѣнстенавых, 1631 г. (В—К I 157), от Wallenstein; в Клѣвен, 1621 г. (В—К I 51) <Kleve; в Гѣсенъ, 1631 г. (В—К I 159) <Hessen — наличие вариантов данного названия с начальной йотацией типа *Есен*, *Есенская (земля)* свидетельствует о слабом придыхательном характере начального согласного в нем. Hessen, а с другой стороны, о фрикативном характере звука [r], легко переходящего в [j], ср. также германизм: реѣментом (региментом), 1637 г. (В—К I 177) <Regiment. В Брѣславе, 1631 г. (В—К I 156) <Breslau; Гѣминды, 1626 г. (В—К I 81) <Gemünden; под городком Рѣсом, 1638 г. (В—К I 191) <Res; канслѣра, 1617 г. (В—К I 26) <нем. *Kanzler*, при возможном польск. источнике и подударном в таком случае *ѣ*.

Нем. *ee* [ê] (согласно наблюдениям опытного фонетиста-экспериментатора В.А. Богородицкого²² "долгие гласные более узки"): Зѣланскую землю, 1631 г. (В—К I 148), в нем. ориг. in Seelandt, совр. Seeland с подударным *ѣ*; в Зѣланте, 1631 г. (В—К I 235). Закрытость [e] подтверждается и гол. этимомом (см. выше).

Нем. *i*: апрѣля, 1621 г. (В—К I 58) <April с предполагаемым *ѣ* = исходному *и*, проникшим из новгородских памятников в среднерусские и московские²³; лѣга, 1621 г. (В—К I 58) <Liga, исправлено на *лигв*. С.И. Котков, комментируя данный пример, указывает на него как на показатель сближения данный в ударяемом положении с фонемой *и* фонемы, обозначаемой посредством *ѣ*²⁴.

Польские корреспонденции русскому *ѣ*.

Польск. *e*: кавалѣры, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 64 об.) <*kawaler*; канцлѣра, 1647 г. (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 60), канцлѣря, XVII в. (Там же), канцрѣд, 1672 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 133) <*kanclegz* — в позиции, где *le* — обозначение полного смягчения при наличии *te* с твёрдым *t*; подканцлѣрей, им. ед., 1672 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 6, л. 158 об.), подканцлѣр, 1667 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 10, л. 87), подканслѣль, 1670 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 8, л. 35) <*podkanclegzy* — выбор *ѣ* можно рассматривать

²¹ Рейцак А.К. Ассуффиксация как один из способов фонетико-морфологического освоения заимствованных имен существительных // Учен. зап. Тартуского ун-та, 1965, Т. 166. Труды по русской и славянской филологии. VII. Сер. лингвист. С. 41.

²² Богородицкий В.А. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 1953. С. 105.

²³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. С. 85; Он же. Греко-славянские этюды // Рус. филол. вестн. Варшава, 1883. Т. IX. С. 3.

²⁴ Котков С.И. Московская речь ... С. 141.

как попытку обозначения полного смягчения предшествующего [л'] на фоне польской оппозиции: *le* [le] (условно знаком полумягкости обозначим средневропейский характер польск. *l*) — *łe* [le] с *ł* твердым; корѣтники, 1667 г., корѣтнхъ, 1674 г. (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 79) от *kareta*, где *e* без переходного смягчения, т.е. *gze*, указывает на сравнительно поздний заимствованный характер слова в польском. В Видѣне, 1621 г. (В-К I 50) < *Wiedeń* — с неисключённостью нем. посредства в чтении *ie* как *и* и возможной аналогией с *widѣти* и подчеркнуто смягчающим согласный произношением *ł* тем более, что само название явно не польского происхождения — *-d'* невозможно в польском.

Польск. *ie*: банкѣгъ, 1670 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 8, л. 132), на банкѣте, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 4), *x* банкѣтѣ (там же) < *bankiet*; жалнѣрствомъ, 1672 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 128) < *żołnierstwo*; инженьѣру, 1663 г. (СлРЯ XI—XVII вв. 6, 236) < *inżynier*; кѣлешков, 1705 г. (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 111) < *kieliszek*; канлѣры, 1691 г. (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 55) < *kołnierz*; папѣжского, 1638 г. (В-К I 186) < *papierz*, *papieski*; Сабѣски, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 16 об.), Сабѣскии, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 17), Сабѣжской, 1672 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 155) < *Sobieski*; въ Вѣднѣ, 1620 г. (В-К I 36); Сопѣге, 1664 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 2, л. 63) < *Sapiega*.

Подведём определённые итоги употреблению буквы *ł* в полонизмах. Оно (это употребление) обнаруживает известные закономерности в соответствии с польским источником. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в восьми случаях из 13-ти в польском оригинале букве *ł* соответствует, с ней соотносится польское буквосочетание *ie*, применяемое для обозначения смягчённого характера (без перехода или с переходом в качественно иной звук) предыдущего согласного. В остальных случаях (их меньше пяти) "ятем" передаётся польское *e*. И в той, и в другой группе лексика по своему происхождению неоднородна. Если в словах с исконным славянским корнем употребление *ł* можно объяснить исторически сложившимися этимологическими нормами (казнодѣи < *kaznodzieja*, мѣщанинѣ < *mieszczanin*, рѣчь < *gzezcz*), то в новых заимствованиях (а они являются заимствованиями не только в русском, но и в языке-посреднике — польском) оно уже не может быть этимологически интерпретировано и нуждается в ином дополнительном объяснении. Таковы нарицательные слова *банкѣт*, *жолнѣрство*, *инженьѣр*, *кавалѣр*, *канцлѣр*, *карѣта*, *кѣлих*, *кольнѣр*, *папѣжский*, *подканцлѣр*, имя собственное *Собѣский*. Искать причины применения *ł* в их орфографии следует не в этимологии (их внутренняя форма была, как правило, для писца XVII в. неясной), а в тех графико-фонетических позициях, которые корреспондируют с *ł* в польском слове и также в том фонетическом окружении, в каком оказывается *ł* в русском слове. Причём, какой из факторов, внутренний (позиция в русском слове) или внешний (положение в языке-источнике) оказывает решающее влияние на выбор буквы *ł*, определяется конкретно в каждом отдельном случае, применительно к каждой конкретной лексеме.

Не исключено, что даже такой, казалось бы, чисто орфографический фактор, как соответствия: польск. *ie* — рус. *ł* (*mieszczanin* —

мѣщанинъ и др.) в исконно славянских словах способен был оказать своё аналогическое воздействие на письменное воспроизведение польских заимствований с *ie* неславянского происхождения в русском.

Слова с неславянскими корнями имеют двойной ориентир на польские слова. С одной стороны, они воспроизводят польские слова с *ie*, обозначающие полное смягчение предшествующей согласной (банкѣт, жолнѣрство, инженеръ, кѣлих, колнѣр, папѣжский). С другой, они имеют адекватное графическое соответствие в польском (им соответствует польское *e*, но не *ie*), но по некоторым другим признакам (соответствиям в других языках, посредствующая роль которых не исключена, месту предшествующего согласного в ряду других согласных, соотносимых по твёрдости—мягкости в польском языке: наличие оппозиции *ie—ie*, невозможность оппозиции *ge—gie*, где правый член испытывал переходное смягчение $r > rz [z']$ в польском), они содержат наметки на возможное смягчение согласного перед *e* или дифтонгическое "предйотовое" произношение *ѣ*. Это касается слов, в которых *e* оказывалось в положении после сонорных *л* (*кавалер*, *канцлер*, *подканцлер*) и *р* (*карета*). В этих условиях обозначение мягкости *л* и *р* нуждалось в дополнительных средствах, что вытекало как из промежуточного (между полной мягкостью и твёрдостью) характера средневропейского *l*, в том числе и польского, так и возможного внешнего характера тенденции к твёрдому *р* в новых заимствованиях (под влиянием белорусского и украинского). Поскольку слова *кавалер*, *канцлер*, *подканцлер* не были исконно польскими, на их русскую орфографию могли оказать известное воздействие и другие языки-источники, в которых мягкость *л* или непосредственно связанный с ней дифтонгический характер последующего гласного выражались более рельефно, чем в польском, ср. франц. *cavalier* [kavalje], итал. *cavaliere* [kavaljere] 'всадник', нем. *Kavalier* (Фасмер II 152 не исключает и немецкое посредство, где *ie* = суженному [и], т.е. близко к области гласных верхнего подъёма), франц. *chancelier* 'канцлер'. Нельзя не принять во внимание и тот факт, что польск. *e* произносилось как узкое [e], близкое к [и] в диалектах и литературном языке XVII—XVIII вв.²⁵

Позволим себе предварительные выводы о звуковом значении буквы *ѣ* в вышеприведённых полонизмах. Можно полагать, что за этой традиционной буквой русского письма скрывалось в подударной позиции произношение, отличное от [e] и сближающееся с [e], [je] или [и]. Наши заключения носят предварительный характер по той причине, что для полноты картины необходимо привлечь дополнительные данные: об иных польских соответствиях русскому *ѣ*, о соответствиях *ѣ* в русских заимствованных словах в аналогичных лексемах.

Что касается отражения категории твёрдости-мягкости согласных в заимствованиях из польского, то нельзя не принять во внимание некоторые особенности передачи этой категории в польском письме.

²⁵ Stieber Z. *Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego*. Warszawa, 1966. S. 42 и сл.; Koneczna H. *Charakterystyka fonetyczna języka polskiego*. Warszawa, 1965. S. 102 и сл.

Поскольку в нём возможно орфографическое обозначение твёрдости согласного в позиции перед *e* (marszałek), то для обозначения смягчения согласного в этой позиции становится необходимой вставка орфографического *i*: bankiet (в рус. передаче с *ѣ*: банкѣт), где *ѣ* при сравнении с польск. источником можно рассматривать как средство орфографической фиксации мягкости предшествующего согласного. Ср. ряды: keks — bankiet (где *ke* нуждается в проверке по языкам-источникам), bez — bies (в рус.: без — бѣжать), cecna — ciemny (с переходным смягчением), deputat — die только гетеросиллабическое в иноязычных словах, так как [д'] < д'е испытывает переходное смягчение в dz[dʒ]), fe — при отсутствии fie, поскольку [f] — заимствованный звук и в фонологические системы славянских языков входил сравнительно поздно, geometr — giełda, lepowy — lie — невозможно, поскольку не обозначало полного смягчения, łeb — lie — невозможно, так как ł твёрдый согласный, meta — miedza, pegasja (в основном в заимствованиях) — niebo (в основном в исконно славянских лексемах), pelno (*rъln-) — pień, ge- (в иноязычных словах) — gie невозможно, так как испытывало переходное смягчение в rz [ʒ] — rzecz (ср. рѣчь), sejm — siecowy, test — tie — невозможно, так как деформировалось в результате переходного смягчения в [tʃe], wejść — wiek, zejście — zieleń.

Французские соответствия русскому *ѣ*.

Средний гласный [e] во французском языке может быть как открытым: [pe:r] père, так и закрытым: [ne] nez. При этом открытость и закрытость гласного связана с краткостью или долготой слога. Ударные гласные в открытых конечных слогах кратки, в закрытых — получают долготу, если слог закрывается звонким фрикативным согласным [v], [z], [ʒ], [j] или [r]. В русском же языке открытым и закрытым может быть гласный [e] при иных фонетических условиях²⁶. В русском подударное [э] бывает закрытым перед мягкими согласными — *эти*, но открытым перед твёрдыми — *этот*. Во французском языке различие "закрытое или открытое [э]" — фонологический признак и может проявляться в любых положениях.

Франц. *e* [e закрытое]: pistolét, на шпанское вино или романѣи, 1667 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 10, л. 110) < romanée 'сладкое вино из французской водки' — Фасмер III 499; французские галѣры, 1672 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 6, л. 110 об.), Ø галѣров, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 150), галѣры, 1672 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 8, л. 5 об.) < galère; де Австрѣю, 1648 г. (В—К III 179) < d'Austrées — последующая йотация в русском создаёт позицию для *ѣ*, поддержанную франц. закрытым [ê]; Рѣ, 1627—1628 гг. (В—К I 105) < ile de Ré; де ла Валѣта, 1628 г. < de la Valette.

Франц. *e* [e немое, но могущее выступать подобно английскому редуцированному [э] в позиции после мягкого согласного]: владѣтельство Бретагнѣское, 1643 г. (В—К II 214) < Bretagne (выбор *ѣ* представляется неслучайным после франц. [п̃]) — звука среднеязычного палатального, по месту образования близкого к йоту); владѣтельство Авергнѣское,

²⁶ Богородицкий В.А. Указ. соч. С. 15—16.

1643 г. (В—К II 18) < Auvergne [Oveŕŕ] — Овернь. Очень даже вероятно, что озвучивание французского немого [e] произошло на почве его немецкого (или голландского) чтения в тексте-переводе вестей из Парижа с немецкой или голландской газеты.

Ъв на месте франц. eaυ: из Бордѣвса, 1652 г. (ЦГАДА, ф. 141, N 123, л. 14) < Bordeaux, причину выбора ъ писцом можно видеть в том, что гласный [e] в соседстве с [y] имел тенденцию к переключению из средне-верхнего подъема в область гласных верхнего подъема.

Франц. ieu [jœ], инженерѣвъ, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 167) — написание, исправленное из инженерѣвъ, 1671 г. (ЦГАДА, ф. 155, N 7, л. 167) содержит указание на верхнюю область образования звука на месте ъ, т.е. на его закрытый характер; нельзя исключать при этом и возможное польское посредство, которое (inŕenier) объясняет ъ как попытку передачи мягкости предыдущего согласного.

Франц. ie [je]: с Телѣромъ, 1652 г. (ЦГАДА, ф. 141, N 123, л. 130) < Teller.

Шведские соответствия русскому ъ.

Шв. e: Свѣю, 1617 г. (В—К I 26), в Свѣе, 1617 г. (В—К I 28), из Свѣи, 1638 г. (В—К I 188) < шв. Svéaland — историческое наименование для средней Швеции со столицей Стокгольм — иллюстрация выбора ъ предъотовыми позициями в русском слове. Банѣр, 1637 г. (В—К I 178) < Banér — в шв. гласный под ударением, за которым следует одиночный согласный, обычно бывает долгим, а долгое [e], как правило, закрытое²⁷.

Обратим внимание прежде всего на те соответствия в других языках, которые проливают свет на звуковые свойства русского ъ: англ. [ei] [e закрытое], [i], гол. e [e полудолгое закрытое], ee [e полудолгое закрытое], греч. αι [e закрытое], η[i], ι, ιε, ωι, φ [i], итал. e [i], нем. ie [je], ie [i], jä [je], ei [ei], e [e долгое закрытое], ee [ê долгое закрытое], i, польск. e в позиции, которая может сопоставляться с позицией полного смягчения согласного, ie [e], франц. e [e закрытое], ieu [jœ], ie [je], шв. e [e долгое]. Они дают направления возможной реконструкции произношения ъ: 1) закрытость звука [e], вызванная последующей йотацией, предыдущей йотацией (открытый, расширяющийся дифтонг), удлинением в произношении, соседством с другим гласным также верхнего подъема [y]; 2) близость к узкому слоговому [и] верхнего подъема.

Автору было приятно предложить данную статью в сборник, посвященный 80-летию С.И. Коткова потому, что юбиляр — один из первых внимательных читателей и критиков первоначального ее варианта. В своих замечаниях С.И. Котков высказал соображение, которое можно рассматривать как одно из возможных объяснений выбора пишущим ъ при написании иноязычного слова вм. ожидаемого e. Написание ъ во многих иноязычных словах, по его мнению, объясняется тем простым обстоятельством, что в русском [e] под ударением переходило в [o], а гласный, обозначаемый посредством ъ, не пере-

²⁷ Маслова-Лашанская С.С. Краткий очерк грамматики шведского языка // Шведско-русский словарь / Сост. Д.Э. Миланова. 3-е изд. М., 1962. С. 1015.

ходил. Такое объяснение, действительно, вполне вероятно, если учесть, что в русском письме до введения буквы ё Н. М. Карамзиным в XVIII в., не было средства для обозначения *o* после мягкого согласного, и в памятниках в период протекания процесса перехода *e > o* писцы прибегали к неуклюжим способам: яром (ярём), серобро (серебро), озора (озёра), за мором (за морем), Фодор (Фёдор), Семон (Семён), поперог (поперёг)²⁸. Однако необходимо по поводу данного предположения сделать два замечания: 1) переход *e > o* возможен был в русском под влиянием аналогии и в случаях, где *e < ё*: [зв'бзд]ы, [гн'бзд]а, [с'бдл]а, приоб[р'бл], и этой аналогии могли оказаться подверженными и иноязычные слова; 2) нельзя пройти мимо случаев, когда "ятю" в русском слове соответствует такой иноязычный звук, который близок по месту образования к гласному [o], продвинутому вперёд после мягкого согласного, хотя и несколько редуцированному в своём произношении. Таковы случаи, когда написания с *ѣ* корреспондируют с англ. [ə] (гласный, напоминающий нем. ö в слове hören, но со слабым округлением губ), которое могло выступать как в сильной подударной позиции, так и в слабой безударной позиции, почти адекватных русской: [ˈo] с предшествующим смягченным согласным.

Изложенные выше соображения расцениваем как предварительные, как попытку истолковать звуковое качество [ѣ], исходя из внешних данных языка-источника. При этом осознаём различную доказательную силу сопоставлений: большую там, где *ѣ* корреспондирует с закрытым или дифтонгическим характером иноязычного звука, ослабленную, меньшую — там, где подобной корреспонденции мы не обнаруживаем. Ослабленную степень доказательности иноязычных соответствий можно было бы объяснить двумя факторами: 1) слабой позицией *ѣ*; она обнаруживается, как правило, в безударных позициях; если и обнаруживаются ударные позиции с *ѣ* при предполагаемой открытости [e] в иноязычном соответствии, то они, как правило, мотивированы внутренними русскими условиями: [e] в окружении мягких согласных, обычно придающем ему закрытый характер: кѣлеи, Видѣне; случай *дѣръ* (при англ. there) объяснён выше; не совсем ясными остаются позиции выбора *ѣ* в абсолютном начале слова: ѣнь, ѣрѣ при англ. [ænd], [эн], [э:ə] — начальная йотация?; 2) тонкостью акустико-артикуляторных границ различий "открытый — закрытый гласный" (предполагаемое как одно из возможных направлений различий [e] — [ѣ]), ещё более затухавших в слабой позиции. Эти различия могли восприниматься только достаточно нацеленным, профессионально тренированным ухом.

²⁸ Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. испр. и доп. М., 1983, § 122—125.